

И тут пришел Вайль

Новая программа Елены Образцовой

В первом отделении Елена Васильевна созерцала луну и сердца муки, писанные немцами. Во втором — порхала во французских садах чувственности, то помахи-вая сигареткой, то наряджаясь в шляпку. В третьем, бисовом, сбивала коктейль из тоски, любви, почтительных поклонов и шампанского. Итог — серия разной степени несовершенства эскизов и совершенный автопортрет.

Первое, что этот портрет "сказал", — Елена Васильевна не создана для одиночества. Оно ей просто любопытно — как и многим. Возможно, поэтому немецкую романтическую Lied, которая есть не что иное, как исповедь одинокой души, так часто скучно слушать. Даже оттенков черного — с десяток, а оттенков одиночества — не счесть. Чтобы их отыскать, и любопытства мало, и классного артистизма, видно, тоже (добавить сюда "классный профессионализм" не позволяют перманентное блуждание певицы между нотами и периодические возникающее ощущение сырости производимого ею "продукта"). В отсутствие безупречной героини на троне, который в идеале должны бы равно делить вокалист и аккомпаниатор, воцарился Важа Чачава, продемонстрировавший совершенное родство с Lied Иоганнеса Брамса, Рихарда Штрауса и прикнувшего к ним с одной песней

австрийца Хуго Вольфа. Это родство — в железно дисциплинированном и одновременно эфемерном, как мечта, письме пианиста, в точно соблюденной мере философской созерцательности и в той самой тысяче оттенков одиночества...

Не то "французское" отделение концерта с редковзвучающими у нас Пуленком и Сати. "Я хочу!" — теперь девиз Образцовой. Хочу тебя, хочу флиртовать, хочу путешествовать, хочу царить. И это "хочу", веришь, обязательно превратится у нее в "я имею". А это "царствовать", по крайней мере на пространстве данного отделения, — ей что разгрызть конфетку. В песенках Франсиса Пуленка (которого на родине называют полулиганом-полумонахом) и в песенках Эрика Сати (который там классифицируется как иронический талант) жизнь бьет через край, и Образцова — сама радость жизни. У них что ни вещь, то сюжет, так и для Образцовой игра — своя стихия. Изъяны вроде регистровых разломов и нечистой интонации, нанесение немцам чувствительный удар, теперь померкли в ослепительном блеске двойного шарма — певицы и шансона. Ко всему восстановилась гармония с Чачавой, который галантно ушел в тень, как и требовал жанр, не потеряв притом ни всегдашней элегантности, ни приличествую-

щего случаю легкомыслия. Но бегущая одиночества и отчаянно лицедействующая Образцова — не весь портрет.

Для полноты его потребовалось третье, незапланированное отделение, которым публика БЗК, по всему, обязана страхам Елены Васильевны. Прима слишком боялась увидеть полупустой зал (может быть, по причине малоизвестности французов), а обнаружившая аншлаги, имеющий свойство тонизировать всякого исполнителя. Так или иначе, но она исполнила на бис шесть номеров в диапазоне от "Элегий" Массне до оффенбаховской Периколы "под рюмочкой", посвятив три из них присутствующим в зале Заре Долухановой, Ивану Петрову и загадочному мужчине, имя которого не назвала. Ему и предназначалась песня Курта Вайля "Я больше тебя не люблю". Вещичка уже два года в репертуаре певицы и основательно запета (Елена Васильевна сейчас исполняет ее из вечера в вечер в спектакле Виктюка). Но какая могучая и глубоко чувствующая натура явилась в ней!.. Только бы не сам Курт Вайль был тем загадочным мужчиной. Не расставайтесь с Вайлем, Елена Васильевна. Потому что кто же еще так угадал вашу натуру?

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Курьбюра — 2000-8-14 июня — 10